

Рустам МАВЛИХАНОВ

СТРАСТИ ПО ЕВРОПЕ

Эссеистический диптих

Европа рождалась в мучительных поисках ответов на вопросы: «Как спастись? Если Четыре всадника, что воочию несутся по нашим городам и полям, — воздаяние нам, то где найти слова, что отвратят их от дома нашего?» — и ответы стоили не меньшей крови. Религиозные войны (не за веру — за выживание), особенно Тридцатилетняя война, показали, какую цену приходится платить за монопольное право на истину. Так начался наш путь к отказу от какой-либо истины вообще — через, казалось бы, разумные идеи Просвещения и революционные войны, через их отрицание, через веру в прогресс и через его итог — политический суицид 1914 года.

Теперь, когда Европа, введя в оторопь своей беспокойностью весь мир, замыкается в себе, сбрасывая, как Рим когда-то и как Китай — неоднократно, балласт из окраин своей ойкумены, пришла пора оглянуться, всмотреться в глаза нашим предкам — насколько это возможно — и попытаться увидеть в них себя. Нет, не для того, чтобы призвать вернуться к истине — автор верует, что она относительна, — а для того, чтобы услышать весёлую жестокость Клио и смириться, по примеру Бозция, с неизбежным.

«В его прямом человеческом времени эти слова были лишними и бессмысленными — но он знал, что в змеином времени они уже прозвучали и послужили началом беседы. А потому он проговаривал их до конца, чтобы не разрушать связь встречнотекущих времен». (*Сомалийская сказка*)

I. ЗАЖИГАЯ ЗЕЛЕНУЮ ЛАМПУ

История дружбы мужчины и женщины на авансцене истории

Посвящается гяде, который заменил мне деда

И плоть стала Словом, отвечая любовью Слову, ставшему плотью.
Александр Мень

«Что нельзя рассечь ятаганом, то можно удавить золотом», — писал Рашид-паша своей покровительнице Сафие-султан, матери Мехмеда III. Перед ним стояла грандиозная задача: Окончательное Решение Северного Вопроса — проблемы грабительских набегов запорожских и донских казаков на цветущие земли Малой Татари (Крымского ханства) и Молдавского господарства. Это была программа-минимум. Программой-максимум же являлось восстановление суверенитета Белой Орды (под эгидой ханов Улут Ордые Дешт-и Кипчака, Крыма) над исконными землями Чингизидов — Казанским царством, Астраханским ханством и Диким полем (польской Украиной).

Вопрос — каким образом? Даже при намного более благоприятных условиях прямое завоевание становилось физически сложным: армия, выступившая из Стамбула весной, достигала театра военных действий — будь то Иран, Йемен или Австрия — лишь поздней осенью. А тут — кризис, равный которому случился в Великолепной Порте только без малого 200 лет спустя (мы имеем в виду кырджалийскую смуту).

ЗЕРКАЛА

Османская империя — брат-близнец Русского царства (схожесть, обусловившая взаимную ненависть этих наследников Второго Рима). Они родились в одно время. Московское княжество выросло из жалкого осколка Древнерусского государства в борьбе с ханами Дома Джучи, власть которых в итоге унаследовало, став Белым падишахом для степных народов. Османский бейлик¹ — такой же осколок Великих

¹ Бейлик — феодальное владение, управлявшееся беём (баем).

Сельджукидов, объединявших под своей сенью народы от Европы до Мавераннахра (Средней Азии), — стал империей в борьбе с Византией, мамелюками Египта, крестоносцами и прочими.

Даже кризис у них наступил синхронно: Иван Грозный довёл своё царство до так называемой Порухи¹, когда в сердце страны было брошено от половины до девяти десятых (!) пашни (стоит ли удивляться, что вскоре пришёл подлинный царь — Великий Голод, а следом — Смута); на юге же началась эпоха «женского султаната», когда матери оказывали сильнейшее влияние на сыновей-повелителей.

ОНА

Одной из прекраснейших звёзд в этой плеяде была Сафие-султан, дочь Леонардо Баффо, губернатора Корфу (самого венецианского из греческих островов), выкупленная у пиратов Михримах-султан, дочь Хюррем Хасеки-султан, законной жены — не наложницы — Сулеймана Великолепного, и подаренная ею своему любимому племяннику Мураду III. Родив последнему наследника, Сафие стала при сыне валиде-султан, а фактически — регентом империи, правившей совместно с Газанфер-агой, капы-агой белых евнухов² и главой Эндеруна (дворца в Топкапы, где готовились управленческие кадры из «чужеземных мальчиков», набранных по девширме, налогу кровью, среди балканских христиан: *Порта была империей в том смысле, что пыталась инкорпорировать в государство все нации*). Сафие-султан вела активную переписку с королевой-девой Елизаветой I (той самой королевой Бесс, правление которой стало позже ассоциироваться с «доброй старой Англией»). «Женщина слова... лишь в ней одной нашёл я истину в Константинополе», — докладывал Сенату Венеции Лоренцо Бернардо. Требуется ли иная характеристика?

Для нашего же времени будет интересен такой факт: когда муж её дочери Айше-султан, великий визирь Ибрагим-паша начал топить городских блудниц в Босфоре, тёща его строго отчитала, указав, что он поставлен для управления столицей, а не для истребления женщин.

К описываемому времени власть валиде-и саадетпенах, «матери счастливого прибежища», пошатнулась. Её связь (возможно, любовная) с еврейкой итальянского происхождения Эсперансой Малхи послужила причиной всеобщего недовольства. Эсперанса, будучи кирой (бизнес-агентом между гаремом и внешним миром) и фавориткой владычицы, активно запустила руку не только в казну Харем-и Хумаюна (собственно имперского гарема), но и в казну государства. Положение усугубил её конфликт с Беатрис Михиль, шпионкой Венецианской республики. В итоге Эсперанса со старшим сыном была убита восставшими сипахами (аналог европейских кирасиров) прямо перед домом каймакама (губернатора) столицы Халиль-паши. Младший сын, спасая жизнь, перешёл из иудаизма в ислам. Влияние еврейской общины в Стамбуле было подорвано, и экономическая власть начала понемногу перетекать к грекам-фанариотам³, впоследствии выдвинувшим «Мегали Идея» — план возрождения Византии путём внедрения в администрацию Османской империи и перехвата управления ею.

Империи губят не варвары — их губят амбиции столицы.

В вилайетах также было неспокойно: на Дунае Михаил-ага (Михай Храбрый), потомок Влада Цепеша (Дракулы), сумел на короткий срок объединить все три княжества (скорее благодаря бездарности правителей соседних — Жигмонта Батори, позорно обменявшего свою Трансильванию на герцогство в Силезии, и Иеремии Мовилы в Молдове, платившего дань Польше, Крыму и Турции одновременно (!) в попытке преодолеть последствия правлений Александру Злого и авантюриста Петра Казака); в сердце Турции бушевала джелаялийская смута — восстание крестьян, возглавленное курдами-алевитами (сродным бекташам⁴ суфийским течением, чьим

¹ Опустошительные кризисы и гражданские войны в Польско-литовском и Русском государствах в XVI-XVII вв. получили емкие, уникальные (не встреченные автором нигде за пределами этого ареала) названия: Поруха, Смута, Руина, Потоп; единственным таким же емким аналогом выступает «фитна» — серия из пяти войн внутри Арабского халифата в 656-866 гг.

² Белые евнухи (ак-хадымы) — евнухи, которых набирали из европейских народов; кастрировались частично, т.к. в отличие от черных (из африканцев) евнухов считались неспособными перенести операцию по полному удалению половых органов.

³ Фанариоты — греки, селившиеся в районе Фанар близ резиденции Константинопольского Патриарха, главы Рум-миллета (общины, объединявшей всех православных империи); занимали высокие посты в османской бюрократии; после Греческой войны за независимость уступили влияние болгарам и армянам.

⁴ Бекташи — военно-суфийский орден, основанный в период монгольского завоевания Ирана и Ирака; главное отличие ордена — принятие концепции вахдат аль-вуджуд (Всеединства бытия, воплощающегося в Камиле аль-Инсане, Совершенном Человеке).

девизом было «Важное дело — не религия, а человеческое существование»; в XX веке алевизм сблизился с марксизмом).

К чести правительства Сафие-султан, с этими проблемами центральной власти удалось справиться. Дели Хасан, предводитель джелалиев, получил пост бейлербека¹ Боснии и увёл туда десять тысяч сабель. Михай Витязул был свергнут поляками и при попытке вернуться на трон убит итало-германским генералом Джорджио Баста.

При этом Порта унаследовала от Византии идею экуменизма (но под эгидой полумесяца, а не креста) и вела наступление во всех направлениях — пехота, сипахи, огонь артиллерии. Особенно тяжёлыми выдались войны с Ираном, возрождаемым Аббасом Великим, и Священной Римской империей Габсбургов — именно они на протяжении столетий были непримиримыми врагами османов до того, как эта роль перешла к России.

Как для любой империи, расширение было залогом её выживания.

Эта борьба привела Турцию к естественному союзу с Францией и, как ни странно, но логично — к взаимопониманию интересов с папой римским.

В перипетиях этой политики, где меч был основным языком дипломатии, а религиозная непримиримость не мешала взаимовыгодному сотрудничеству (не ради золота, а ради выживания собственной веры), и сформировались государственные таланты нашего героя.

ЕГО РОД

Рашид-паша происходил из рода мусульман аль-Андалуса, рассеянного по свету в «Золотой век репрессий». После издания испанским правительством очередного Прагматического эдикта, грубо нарушившего условия капитуляции Гранады (разрешения соблюдать ислам при лояльности власти), а на этот раз попали под запрет даже песни и танцы, его дед принял участие в восстании в горах Эспада (в Кастильоне, регион Валенсия), подавленном с помощью немецких наёмников. И хотя король и император Карл V Габсбург, озабоченный проблемами с лютеранами в Германии и папой в Италии, разрешил мусульманам сохранить обычаи (но с переходом в христианство), дополнив это иммунитетом от инквизиции на сорок лет (*инквизиция занималась только делами единоверцев — на мусульман и иудеев её юрисдикция не распространялась*), часть рода, понимая тенденции, решила эмигрировать.

Дядя Рашида поступил на службу в армию, дослужился до капитана терции при Хорхе де Урсуа и отправился за золотом в Новый Свет. Дворянские братья остались (суровость испанских законов компенсировалась коррупцией аппарата) и впоследствии вошли в контакт с французскими гугенотами — с ними крипто-мусульман объединила необходимость борьбы с тиранией Габсбургов. А Реза-ад-Дин бен Джаффар, отец нашего героя, предпочёл сохранить верность Пророку Владыки Вселенной и, с несколькими другими семьями, переехал в Африку.

Позднее общность происхождения свела Рашида, в то время эфенди (лейтенанта), с Эстер Хандали — еврейкой родом из Хереса-да-ла-Фронтеры (морских ворот Севильи), фавориткой и кирой Нурбану-султан (свекрови Сафие).

Беженцы были приняты властями Алжира, им выделили земли на побережье и у руин старого нумидийского Сетифа, но мирная жизнь не наладилась — помешали регулярные набеги христианских пиратов. Поэтому бен Джаффар поступил во флот величайшего турецкого корсара Хайреддина Барбароссы, дослужился до капитана галеры, при Превезе участвовал в разгроме невиданного доселе в Европе флота Священной лиги (Венеция, Генуя, Испания, папство и пираты Ордена Св. Иоанна) в полторы сотни боевых кораблей под началом знаменитого генуэзца Андреа Дориа, три года спустя оборонял Аль-Джазаир от армии вторжения, возглавленной самим императором Карлом V Габсбургом и Железным герцогом Альбой.

После того как буря — какой-то рок Габсбургов — уничтожила половину флота, по сравнению с которым хваленая Непобедимая армада² — небольшая флотилия, Карл отказался от экспедиций против мусульман, и Реза, остававшийся в душе мирным крестьянином, получил возможность вернуться к сельскому труду. Правда, перед этим ему пришлось принять участие в осаде Ниццы (совместно с французским флотом герцога Энгиенского) и перезимовать на оперативной базе, любезно предоставленной

¹ Бейлербек (бейлербей) — тюрк. 'бей беев', наместник области в Сельджукской державе и ее наследниках — Османской империи и империях на территории Ирана при тюркских династиях 1502-1925 гг.

² ...буря — какой-то рок Габсбургов — уничтожила половину флота, по сравнению с которым Непобедимая армада... — в Алжирскую экспедицию 1541 года отправилось 500 кораблей, в Непобедимой армаде было ок. 140 судов; оба флота уничтожены скорее бурями, чем действиями противников.

Франциском I¹ турецкому флоту в Тулоне — на тайной карте Европы нарождался «святотатственный альянс Лилии и Полумесяца», продержавшийся до египетского похода Наполеона.

Во время этой войны бен Джаффар сдружился с другим капитаном, сирийским туркоманом, происходившим из обедневшей боковой ветви дома Ак-Койюнулу (сильной династии, правившей Ираном в XV столетии на рубеже веков разгромленной жестокими кызылбашами² Исмаила Сефеви — ныне признанного классика азербайджанской литературы), и вскоре породнился с ним. От этой жены у бен Джаффара родился сын, наречённый, по настоянию хатун³, Рашидом.

Последней войной, в которой поневоле пришлось принять участие бен Джаффару, была кампания картографа Пири-реиса (Пири Рейса, автора знаменитой карты, с высочайшей точностью показавшей очертания восточного берега Америки и Земли Королевы Мод в Антарктиде) по изгнанию португальцев с Бахрейна.

ОН

Отец, питавший, благодаря жизненному опыту, отвращение к войне, прочил сыну административную карьеру, для чего, обучив на родине хадисам, пиитике и праву, отослал его учиться в аль-Карауин в Фесе — старейший постоянно действующий университет в мире. Там юный Рашид зачитывался книгами великих путешественников — «О чудесах странствий» Ибн Баттуты, объехавшего всю ойкумену от Танжера до Китая и от Булгара до Томбукуты и Момбасы, Льва Африканского (Хасана аль-Ваззана), описавшего Борну, Нубию и берега Чада, — и познакомился с сочинениями знаменитого философа и социального мыслителя Ибн Хальдуна.

Ибн Хальдун за столетия до Адама Смита, Карла Маркса и Кейнса открыл огромное количество фундаментальных понятий экономики — вплоть до трудовой теории стоимости, — а идеи, изложенные в «Мукаддима», ныне воспринимаются как одна из основ нарождающейся клиодинамики. Воплощение этих теорий (таких как снижение налогов, расходов на бюрократию и армию, материальное стимулирование экономических агентов, организация общественных служб для создания рабочих мест и многих других), считал Рашид, могло бы сделать Ближневосточную Порту воистину драгоценным алмазом в поучительной сокровищнице человеческой истории.

Но для административной карьеры, тем более с такими возмутительными для госаппарата идеями, нужно было быть как минимум питомцем Эндеруна (выпускники которого, подобно современным птенцам оксфордов и принстонов, поддерживали друг друга в карьере — чаще в ущерб государству). Поэтому Рашид пошёл самым доступным и хвалимым бюрократической «богемой» путём — военным.

УЗЛЫ

Он участвовал в большинстве предприятий падишаха: ходил в набеги на португальский Занзибар, пережил катастрофу при Лепанто, где командовал абордажной командой на одной из галер бейлербея Алжира Улудж Аджи — спасителя чести Османского флота, а в прошлом — несостоявшегося итальянского священника Джованни Галени, похищенного пиратами и принявшего ислам. Лепанто оказался воистину гордиевым узлом судеб: здесь сражались за новую Родину — француз Джаффар и венецианец Хасан, за старую — дон Хуан Австрийский, Барбариги и Джованни Андреа Дориа, мстивший за позор дяди у Превезы. В этом бою будущий Кылыч («меч») Али-паша грамотно маневрировал и даже захватил флагман Мальтийского ордена, а при отступлении к Константинополю, собирая в море разрозненные корабли, увеличил свою флотилию вдвое — до 87 судов.

Следующий год прошёл в строительстве нового, вдвое большего флота. Рашид-эфенди много ездил по Болгарии и Анатолии в поисках корабельного леса. Конечно, в организации поставок приняли участие сефардская (еврейская) и греческая общины. Все стремительно богатели, что помогло Рашиду войти в круг общения кыры Эстер

¹ Франциск I — король Франции в 1515-1547 гг.; всю жизнь воевал за Италию; заключил стратегический союз с Турцией (1528-1798/1856); французы содействовали набегам берберских пиратов и старались совместить войны с Австрией с турецкими походами на Вену; на его правление приходится становление и расцвет французского Возрождения.

² Кызылбашы (тюрк. 'красноглавые', по цвету тюрбана) — тюркские (туркоманские) племена, опираясь на которые Исмаил Сефеви возродил иранскую государственность, утраченную в ходе арабского нашествия за 860 лет до этого.

³ Хатун (монг. хатан, татар. хатын) — женский аналог титулу «хан», соответствует европейскому «императрица»; в Османской империи началась постепенная профанация слова, в настоящее время означает «жена, женщина»...

Хандали (уже упоминавшейся фаворитки Нурбану-султан), а затем — завязать знакомство (разумеется, эпистолярное) с Сафие-султан.

Новый флот с армией Синан-паши (урожденного геноуэзского аристократа Сципиона Чикале, тоже похищенного пиратами) отправился на освобождение Туниса от испанцев и покорных им Хафсидов. В этой кампании Рашид познакомился с Абу Марваном Абд аль-Маликом (который также участвовал в битве при Лепанто, попал в плен — его участь решал сам Филипп II¹, а после бежал из испанского Орана — города, воспетого Камю в «Чуме»). При штурме Голетты Рашид бен Реза был ранен и некоторое время лечился в Алжире, попутно скупая имения беднеющих сипахов и обустривая их, в частности, назначая управляющими французских гугенотов, бежавших из Европы после Варфоломеевской ночи.

МАГРИБ АЛЬ-АКСА²

Соседом бен Резы был грек-мусульманин, в плену у которого находился *Мигель де Сервантес*. Участие в судьбе земляка своего отца (Рашид-эфенди помогал Родриго, отцу будущего писателя, в переговорах о снижении суммы выкупа, а после неудавшегося побега Мигеля, когда его хотели казнить, ходатайствовал о милосердии как моряк за моряка — тот самый случай, когда золото спасло искусство) вызвало неудовольствие окружающих, и Рашид покинул Алжир, уехав к Абд аль-Малику, новому шерифу Марокко, вассалу Порты.

На стороне последнего он принял участие в «Битве трёх королей» при Аль-Ксараль-Кабире («большой крепости»), на которой закончилась история Великой Португалии, совсем недавно воспетой Луишем де Камознсом³ в «Лузиадах» — *самой национальной поэме планеты*. В сражении погиб не только цвет португальской аристократии, но и большая часть опытных немецких и фламандских наёмников во главе с Томасом Стакли, незаконнорождённым сыном самого Генриха VIII Английского, а также и все «три короля» — Абу Марван, его соперник Абдалла Мохаммед и король Португалии Себастьян Желанный, который вполне мог стать *прообразом Дон Кихота*: Себастьян жил в вымышленном мире, наполненном рыцарскими идеалами. Тело короля найдено не было, и ещё в XIX веке в глухих лесах бразильской Байи и Параны крестьяне ждали, что *Себастьян Спящий* вернётся, чтобы сражаться с «атеистической республикой», — как в других краях ждали Махди⁴, Артура или Фридриха Барбароссы.

Так идеализм погубил жизнь, но подарил бессмертие.

Рашид-эфенди идеалистом не был — карьера в империи учит прагматизму. Оставшись на службе у брата погибшего друга, «Золотого» Ахмада аз-Захаби, он помог ему реформировать администрацию и гвардию по передовому для того времени османскому образцу, установить некий прообраз государственного монополистического протокапитализма, завязать союзнические отношения с Елизаветой (Англия, после утраты союзника в лице Ависской династии в Португалии⁵, была жизненно заинтересована в коалиции против Филиппа Испанского), а для себя занялся опытами по интродукции «трёх сестёр», растений Нового Света — кукурузы, фасоли и тыквы, — а также табака и какао (которые распространял в своих имениях в долине Бекаа, у Трабзона и в других уголках необъятной, но в целом засушливой империи⁶). Опыты эти были не всегда удачны, в том числе потому, что непосредственно управлять тимарами и чифтликами⁷ ему было затруднительно — тот самый случай, когда коррупция надзирателей губит экономику.

Однако пошатнувшееся финансовое положение удалось восстановить, приняв участие в аванюре. Он присоединился к четырёхтысячному отряду Джудар-паши

¹ Филипп II — король Испании в 1556-98 гг.; его взгляды на свою роль (ответственность за страну, династию и народ перед Богом) и итоги правления чем-то напоминают Николая II; в то же время у соотечественников не было никаких сомнений в том, что его исключительная работоспособность и требовательность направлены на благо Испании.

² Магриб аль-Акса — араб. «дальний запад», Марокко.

³ ...совсем недавно воспетой... Камознсом — относительно катастрофы 1578 г.

⁴ Махди — скрытый имам, своего рода масих (мессия), который явится перед Судным днем; будет соратником пророка Исы (Иисуса), когда тот вернется, чтобы восстановить на земле справедливость.

⁵ Англия, после утраты союзника в лице Ависской династии в Португалии... — старейший стратегический союз в мире, существующий с 1373 г. и по сей день.

⁶ ...«трех сестер»... засушливой империи — агрокультура, изобретенная индейцами Мезоамерики: фасоль вьется по кукурузе и обогащает почву азотом, побеги тыквы загораживают почву от солнца, удерживая влагу, а ее шипики отпугивают насекомых; вместе три культуры обеспечивают человеку сбалансированное аминокислотами питание.

⁷ Тимар — условное (за службу и на период службы) феодальное держание, чифтлик — наследственное.

(мориска¹ Диего де Гевары, уроженца Альмерии в Испании, похищенного пиратами), который преодолел Сахару (!) и разгромил войско аскии (императора) Сонгаи Исхака II. Когда тот выпустил на марокканцев огромное стадо быков, Рашид-бей разогнал часть взбешённых животных сосредоточенным огнём аркебузирова и артиллерии (которая тоже была доставлена через пустыню!), а другая часть была перебита владевшими навыками корриды андалузскими наёмниками-морисками.

Марокканское войско захватило процветавшие города Дженне, Тимбукту и Гао (в современном Мали) и огромную добычу — более полутора тысяч тонн золота, с которым Рашид-бей отправился назад, в Марракеш.

Мориски нашли себе новую родину и стали народом арма (armas, «оружие»), который до сих пор помнит о своём происхождении и сохранил в языке часть испанских слов (из их среды происходит знаменитый африканский музыкант, входящий в сотню лучших гитаристов всех времён по версии журнала «Роллинг стоун», Али Фарка Туре, и его сын, «Хенгрикс Сахары», Вьё Фарка Туре). Немалая заслуга в этом — милосердия Джудар-паши, часто беседовавшего с Рашид-беом во время бесконечного пути через Сахару: *«о пустыне, о месте Человека в ней, о закате, о невнятном шелесте, словно от тысяч пересекающих вечность караванов, падающем с медленно опускающегося на землю неба»*.

В Марракеше Рашид-бей защищал интересы своего боевого товарища перед шерифом Ахмадом, прозванным «Золотым» именно за привезённую ему добычу. Джудар-паша не внял совету и не остался полунезависимым правителем на Нигере, где пользовался огромным авторитетом, и погиб, убитый чернью, ненадолго пережив нашего героя.

В БЛИСТАТЕЛЬНОЙ ПОРТЕ

Поссорившись с аз-Захаби, Рашид ушёл в хадж, унося с собой семена растений и списки книг из библиотеки Университета аль-Карауин. Вернувшись пешком через Хиджаз, Хайбар, Левант и охваченную джелалийской смутой Анатолию (посетив по дороге свои имения) в столицу Дома Османа, Рашид-хаджи оказался втянут в омут политических интриг — прежде всего в интересах Сафие-султан, ставшей, как ни странно для этого прагматичного человека — отнюдь не Маджнуна², его Лейлой. Его союзником был хаджа Сад эд-Дин-эфенди, учитель Мехмеда III.

Когда султан, защитник христиан и мусульман, лично выступил в поход против вторгшихся войск Великого магистра тевтонов и эрцгерцога Австрии Максимилиана, Рашид-хаджи получил, в ходе тяжёлой кампании в турецкой Венгрии (одной из многих кампаний так называемой Долгой войны), подразделение артиллерии. Под началом Синан-паши, с которым он был знаком ещё со времён Тунисской эпопеи, Рашид принял участие в осаде и штурме Хатвана, во взятии устоявшего в прошлый раз Эгера («мадьярского Сталинграда», воспетого в самом популярном венгерском романе Гезы Гардоньи *«Звёзды Эгера»*³) и, наконец, в Керестецкой битве, превратившей неминуемое поражение в триумф османов и символ верности крымских татар: в решающий момент, когда австрийцы окружили шатёр султана, татарские отряды под командованием калги⁴ Фетих Герая ударили в тыл имперцам и спасли турок от полного разгрома. Габсбурги понесли такие потери, что эта местность до сих пор носит имя Мезёкерестеш — *«Поле крестоносцев»*.

Правда, Фетих Гераю эта победа вышла боком. Юсуф Синан-паша, враждовавший с ханом Газы Гераем, убедил своего повелителя передать Крымский Юрт герою битвы. Фетих после некоторых уговоров согласился, но его младший брат Газы в судебном порядке вернул «престол Крыма и Великой Страны», вынудив старшего бежать к черкесам и в итоге поплатиться своей головой и головами своей семьи.

Юсуф-паша, получив, благодаря своей хитроумной комбинации, пост *«носильщика тяжестей»* (великого визиря), пробыл в должности всего сорок дней и был отправлен в почётную ссылку на должность бейлербея Дамаска, где натравил на Рашидова чифтлик в долине Бекаа ливанских друзей⁵ — в отместку за участие Рашида-хаджи в

¹ Мориски — крещенные мусульмане Испании.

² Маджнун (араб. 'одержимый джином') — герой истории о печальной и трагической любви к Лейле («Ночь»); это случилось в сер. VII в. в Аравии с поэтом Кайсом, который удалился в пустыню и стал там писать стихи (почему и был прозван «охваченным джином»); история была рассказана Низами Гянджеви в «Хамсе» («Пяти поэмах»), Джами, Навои и послужила мотивом для песни Эрика Клэптона «Layla».

³ «Звёзды Эгера» — под звездами в романе Гардоньи подразумеваются женщины крепости.

⁴ Калга — второе после хана лицо в Крыму.

⁵ Друзы — замкнутая, не допускающая принятия своей религии этноконфессиональная община в Леванте, отколовшаяся от ультрашиитской на тот момент секты исмаилитов в период

его, Юсуфа, смещении.

Так или иначе, великим визирем стал Дамат («зять») Ибрагим-паша, упоминавшийся выше муж Айше-султан, дочери Сафии и тётки Мехмеда III.

В Эгере под покровительство Рашида-хаджи перешла бывшая фаворитка польского короля (умершего к тому времени), пытавшаяся бороться с кланом Батори за лён в Карпатах. Она стала его второй наложницей (первая была захвачена в набеге на Костадель-Соль). Когда известия об этом дошли до ушей Садеддина-эфенди, правительство Газанфер-капы-аги решило использовать Рашида, получившего ранг паши, в «*Больших шахматах*» на северной границе.

САРХАД¹

Так наш герой сравнился почётом со многими конкурентами. Почётом, но не реальной властью.

Власть ему предстояло устанавливать самостоятельно, опираясь на небольшой янычарский корпус, татарскую и ногайскую конницу и тех, кого бы он смог завлечь на границы Дикого поля. Благо, Османская империя того времени не только была экономически привлекательна для австрийских и польских крестьян, тиранизируемых своими возрождавшими барщину господами, но и часть горожан, храня верность покойному королю, стремилась за «нашей доброй пани», пившей кровь из одного с ними кубка войны.

Традиционно проблема набегов казаков с севера решалась силой: рейд по степям, разорение разбойничьих гнёзд, захват ясырей², обращение желающих в ислам и рекрутирование их в войско, а упорствующих — в рабство. Но всё это были временные меры: новые бедолаги, бегущие от своих сатанеющих дворян, пополняли Сечь и Дон и шли «за зипунами» в цивилизованные страны. *Османская империя унаследовала от Византии перманентную борьбу с натиском варваров.*

Ибо география определяет историю.

Рашид-паша, соединив под своей властью силы эялетов³ Силистра (от Болгарии до Днепра) и Кефе (Крым и Азак), выдвинул проект того, что мы сейчас назвали бы «программой реконструкции для *failed state*». Первым шагом к этому должна была стать «эффективная оккупация». Если ни Москва, ни Краков (а позднее — Варшава) не способны навести порядок на своих окраинах, то это следует сделать империи: косвенно либо прямо. Вторым вариант Турция попыталась осуществить в 1670-х, когда захватила Правобережную Украину, вмешавшись в *Руину* — борьбу пропольских, пророссийских и прокрымских «полевых командиров» между собой. Но Рашид-паша не был бы учеником ал-Карауина, если бы не попытался минимизировать человеческие потери в населении и без того пустого Дикого поля.

Он предложил создать полосу государств-лимитрофов (подобных Трансильвании, Молдове и Валахии), помочь элитам — казачьим старшинам и гетманам — построить нормальный феодализм и тем самым (золотом!) привязать их к Блистательной Порте. Благо, вопросы вероисповедания мало волновали и наследника халифа Владыки Вселенной⁴, и верхушку казаков: так, в 1565 году запорожцы помогали туркам в L-Assedju l-Kbir — *Великой осаде Мальты*.

ПРОЕКТ «ВОЛЬНЫЙ ДОН»

Как поклонник Ибн Хальдуна, Рашид-паша понимал необходимость создания экономического базиса для гетманской надстройки. В первую очередь следовало закрепить казаков и новых переселенцев (осуществлено царским правительством в XVIII веке). Следующим пунктом шло создание товарного хозяйства: любой аристократ, даже низкого происхождения, предпочтёт получать деньги от стабильной торговли, а не от рискованной перманентной войны в его землях. Для этого планировалось давать убежище рабочей силе из Европы, бегущей от религиозных преследований (частично

радикальных антисуннитских реформ фатимидского халифа Аль Хакима (XI в.); особенности религии, принадлежность исламу достоверно не известны; верят в реинкарнацию душ, что определило высочайшие боевые качества друзов (их кавалерия активно вербовалась даже англичанами в период Второй мировой); сейчас вовлечены в арабо-израильский и сирийский конфликты на всех сторонах.

¹ Сархад (фарси 'граница') — как правило, под ним подразумевается обширная полоса с неясным, условным суверенитетом, как полоса пуштунских племен в Пакистане или другие территории на границах стран, расположенных в пустынях и степях; ближайший аналог - Дикое поле.

² Ясырь — человеческий полон в период степных набегов и войн (от распада Золотой Орды до завоевания европейских степей Россией).

³ Эялет (вилайет, вилайят и т.д.) — провинция в мусульманском мире.

⁴ «Наследник халифа Владыки Вселенной» — султан.

воплощено российским правительством в конце XVIII века).

Не исключался вариант с налаживанием торговли рабами (с последующим посажением их на землю и переводом на барщину либо оброк) и одновременным развитием плантационного хозяйства американского образца (тут бы и пригодились плоды селективной работы Рашида) — польская шляхта, глаза которой слепили отблески вест-индского золота, была готова избавиться от части «быдла» в обмен на совместный грабёж владений московского царя и помощь в борьбе за власть внутри самой Речи Посполитой. Тайные переговоры об этом успешно шли с Радзивиллами и Сапегами при посредничестве вышеназванной фаворитки (которая, однако, планировала рекрутировать войско и совместно с татарами начать мстить за своего короля).

В случае осложнений на более освоенном Западном Кавказе племена, его населяющие, были бы выселены в Сирию (осуществлено в 1860-х годах).

Для контроля над новыми вассалами затевалась реконструкция старых городов (Хаджибея (Одессы), Бендера, Кэшэнэу, половецкой Шарукани (Харькова), Аккермана и др.) и строительство новых — примерно там, где при Екатерине II были основаны Николаев, Екатеринослав, Александровск и пр., заселить которые предполагалось самым ценным ресурсом — ремесленниками (будь то бежавшие добровольно или захваченные в набегах на Запад).

Московский царь Борис Годунов почувствовал угрожающую активность на Малой Руси, получив обрывочные донесения Василия Щелкалова, главы Посольского приказа (*именно он ведал сношениями с казаками*), и сделал встречный ход: отправил Богдана Бельского основать один из первых городов на Слободской Украине — Царьборисов. Историки до сих пор спорят о причинах, побудивших Годунова заложить острог так глубоко в Диком поле, в отрыве от Белгорода и Курска. Ведущей является версия, изложенная в «Новом летописце» (главной хронике времён Русской Смуты), что мотивом царя было отослать подальше воеводу Бельского.

Но стал бы такой прагматик, как Борис Фёдорович, рисковать? Что мешало ему избавиться от воеводы, сослав его, как Филарета Романова, на Урал? Тем более Богдан Яковлевич сразу начал проявлять «сепаратистские тенденции» («Борис в Москве царь, а я в Царёве-Борисове!»), за что и был всего через два года выслан в Сибирь с позором (телохранитель царя Габриэль выщипал Бельскому бороду по волоску, тем самым обесчестив бывшего опричника).

Так пошёл бы самодержец на риск мятежа на юге (который, кстати, и стал главным катализатором Смуты в самом скором времени)? Нет.

Какова же была цель Годунова?

Прозрачный, недвусмысленный намёк: «Я знаю, что ты что-то затеваешь. Если бы я хотел войны, моя рать уже осаждала бы Перекоп. Но я предлагаю мир».

С этого момента акценты имперской политики на севере сместились. Начались активные переговоры между Рашид-пашой, с одной стороны, и Щелкаловым, с другой (а после опалы последнего — со сменившим его на посту дьяка Посольского приказа Афанасием Власьевым, видным дипломатом, пользовавшимся доверием и Бориса, и Лжедмитрия). При этом обе стороны сумели учесть не только интересы своих светских владык, но и духовную сторону вопроса.

Рашид-паша в переписке с Сафие-султан говорил о возможности внедрения в пограничье и на Балканах опыта Абуль-Фатха («отца Победы») Джалалуддина Акбара, величайшего падишаха в истории Индии, а конкретно — его эксперимента по созданию *Дин-и илахи, синкретической философско-этической доктрины* с Единым Богом разных религий. На практике это вылилось в секретные «меморандумы о взаимопонимании», выражаясь современным языком, между патриархиями Московской, Константинопольской в лице Рафаила II, а через него — с Римской курией, возглавляемой в тот период генеральным викарием Камилло Боргезе (будущим папой Павлом V).

Поддержку султана как халифа¹ обещала обеспечить Сафие.

Таким образом возник амбициозный план раздела Европы, который мы с полным правом можем назвать:

«КРЕСТ ЕВРОПЫ В ТЕНИ ПОЛУМЕСЯЦА»

По образцу Тордесильяского договора 1494 года между Португалией и Католическими королями Испании, проведшего «демаркационную линию» по «папскому меридиану» (49°32'56" з.д., 370 лиг западнее Азорских островов) и разделившего дикие земли и неоткрытые моря между этими монархиями, полным ходом

¹ Султан осуществляет светскую власть, халиф — религиозную.

шла подготовка к разграничению мелких европейских государств на сферы влияния.

«Высокие Договаривающиеся Стороны», а именно — «властитель Дома Османа, султан султанов, хан ханов, предводитель правоверных и наследник пророка Владыки Вселенной, защитник святых городов Мекки, Медины и Иерусалима, император Константинополя, Адрианополя и Бурсы и прочая, и прочая», с одной стороны, и «Божиею милостию, Государь Царь и Великий Князь всея России, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский и прочая», с другой, — приходили к соглашению о совместном разделе Европы по 50-й параллели, а кафедральные церкви — Римская и православные церкви пентархии — по меридиану Сирта (16°36' в.д.).

Таким образом, силой оружия двух великих держав планировалось вернуть мир в Европу, а Германию, Нидерланды и Англию (с мобилизацией для ее покорения всего берберского и турецкого флота и союзной французской армии) — в лоно католичества, но под светское управление Севера. При этом мещане, как главные носители протестантской ереси, переселялись на восток, во вновь отстроенные города Степи. Россия в результате не только получала выход к морю (что было главным направлением её экспансии со времён Ивана III в конце XV века — а отнюдь не южное, на котором она предпочитала обороняться), но и превращала Балтику в своё «внутреннее озеро».

Забавное обстоятельство: обе демаркационные линии пересекались в районе Тренчинского княжества, на которое претендовала польская наложница папы. Там планировалось проводить собрания дипломатов для мирного решения спорных вопросов — эдакие прообразы *Священного союза Александра I или Лиги Наций*. Это был своеобразный подарок Рашид-паши.

Нетрудно представить, что реализация этих планов изменила бы всё. Колонизация Нового Света проводилась бы в русско-османском стиле, с *сохранением культурной самобытности индейских народов*; простые немцы, голландцы и англичане, а следом — французы, русские, турки, балканцы не познали бы самых диких проявлений раннего и зрелого капитализма; на 350 лет раньше сформулировались бы идеи *мирного сосуществования* сверхдержав; может быть, индустриальное развитие происходило бы и не с такой скоростью, но с куда меньшими страданиями простых людей; а о таких мелочах, как «Нью-Йорк мог бы быть Новой Рязанью», и задумываться не стоит.

Всё могло сложиться иначе.

Были сделаны первые практические шаги: Годунов наводнил Европу шпионами под видом посланных на обучение «детей боярских»; лидер джелалийской смуты Дели Хасан, воодушевлённый перспективой после личной встречи с Рашид-пашой, прекратил восстание и с десятью тысячами воинов принял под своё начало Боснию, где начал организацию тыловой базы для вторжения в Венецию и Австрию; в преддверии увеличения потока дел была проведена реформа *инквизиции* в сторону большей гуманизации процесса (отдалённым её последствием стал снисходительный приговор Галилео Галилею — в отличие от недавнего аутодафе Джордано Бруно); Орден Иисуса (иезуиты) активизировал работу по устранению самых влиятельных европейских монархов — Якова I Английского (см. «Пороховой заговор») и Генриха Бурбона (ликвидированного в 1610 году).

Однако все эти мероприятия, связанные единым замыслом, потеряли смысл, когда был утрачен координирующий их узел.

Красное знамя османов так и не взвилось над львами Святого Марка...

Как раньше бури спасали Северную Африку от испанского завоевания, так и в этот раз в дело вмешалась Природа. На краю света, в далёком Перу, взорвался вулкан Уайнапутина, выбросив в атмосферу мегатонны пепла и изменив климат. Это было сильнейшее извержение за всю историю заселения Америки человеком, по силе подобное катастрофе на Кракатау в 1883 году. В России с десятью неделями проливных дождей наступил *год без лета*, повторившийся в следующем.

Затем пришёл Великий Голод. Рашид-паша предпринял доставку зерна, скупленного в Анатолии и Египте. Караваны каракк¹ стекались в Азов и под охраной казаков отправились на Москву. Но было поздно: русские увидели в Голоде истинного царя, восстания совсем недавно «безмолвствовавшего народа» слились в бескрайнее море бунта, плескавшееся у башен переполненных умирающими городов, и страна на годы погрузилась в *войну всех против всех* — такую, что полубезумный Грозный превратился в сознании населения в *«добротого царя-батюшку»*.

Русская Смута началась.

Вся семья Годунова, кроме дочери Ксении, была не только вырезана, но и похоронена без отпевания как «самоубийцы». Казаки, увидев крах государственности,

¹ Каракка — большое (водоизмещение 500-2000 т) парусное судно эпохи Великих географических открытий; вытеснено галеоном.

устремилась за лёгкой добычей в Россию по тому пути, которым когда-то ходили татары. Ибо, повторим, география определяет бытие. Их дикий свист слышали даже стены Каргополя на Русском Севере и Костромы в 1614-м, а последний набег случился в самом конце, в 1618 году, через шесть лет после Минина и Пожарского.

Ещё можно было спасти если династию, то царство, но ктому времени изменились и обстоятельства в своей столице. Новый султан, тринадцатилетний Ахмед I, начинает правление с нарушения этикета (что показывает его воспитание), а затем ссылает бабушку Сафие в Старый дворец в Эдирне. Рашид-паша лишается самой весомой поддержки в Топкапы. Пытаясь предотвратить возобновление джелалийской войны, он принимает сторону шейх-уль-ислама Сунуллаха-эфенди в конфликте с лалой (воспитателем) владыки Дервиш Мехмед-пашой, боснийцем — фигурой, вызывавшей ненависть и новой валиде-султан, и простых горожан, чьи балконы Дервиш-паша обложил налогами, а в конце концов — и самого повелителя. В итоге лала был убит на заседании Дивана. *Но до того ангел смерти взял за руку душу Рашид-паши.*

Он был приглашён главою Дома Османа на весеннюю охоту. Чувствуя усталость и предчувствуя отдых, он уладил дела — первой наложнице и её детям выделил солидное содержание и дом в Бахчисарае, для второй нанял отряд секейских ландскнехтов (составленных из немцев Трансильвании, где как раз венгерский дворянин Иштван Бочкай поднял восстание, *предпочтя покровительство мусульман-турок власти христиан-Габсбургов*) и отпустил с татарами пытаться удачи в польских Карпатах, «гатыть болота телами врагов», а сам явился на казнь.

По приказу падишаха он выпил кофе с толчёным изумрудом и опиём. Самоцвет, дающий, по поверьям, дар прорицания, символизировал насмешку над его видением будущего империи; опиий же был актом милосердия за заслуги перед отечеством. Ходили слухи, что последнюю чашку он получил из рук Сафие-султан, но у нас нет оснований с доверием относиться к этой легенде: без сомнения, они не встречались в этой жизни. Другая же легенда гласит о том, что вишнёвое вино с ныне утраченного мазара хаджи Рашида ещё долгие годы веселило сердце его возлюбленной.

Да, это была любовь — но та, которую не воспели европейцы. Любовь-сторге, любовь-покровительство, без лихорадки и мании, не удар выпущенной стрелы, но меденное прорастание корней души к сокам земли. И эта любовь пережила все тирании и вольности, сбережённая временем в письмах Сафие-султан и маулан¹ Рашида-хаджи.

Поделится малой их частью с нашими читателями.

ПИСЬМА

«Свет разума моего, родник моего познания! Вестей от Вас нет дольше, чем дождя в Тихаме². Каждый день, когда с моря дует ветер, жду, что его крылья письмо от Вас принесут.

Расскажите о *поясах земных*³, в кои Господь путников стопы Ваши направил. Благополучен ли путь?

С., третий день джумады аль-уля 986 года⁴».

«О, колыбель великого султана! Как коловращение времени и неподвижность полюса произошли от Господа, таксад бытия взращен для Вас и водою жизни напоен ради Вас, моя владычица.

Аллахумма, каким языком мне воздать Вам благодарность за сии великие благодеяния, осозаемые результаты которых подобны свету блистающего солнца? Какими словами воспеть Вас за великие дары и бесконечные милости, сверкающие подобно сиянию звёзд?

Если даже каждый мой волос станет языком и каждый станет восхвалять Вас, то и тогда я останусь в своём косноязычии, как упорствующий — в заблуждении.

Волею Господа людей, который сотворил поверхность земли для прогулок чистокровного коня человеческого бытия, той волею, что вложила в руки Ахмада Абуль-Аббаса аль-Мансура меч победы, сокрушающий удар которого поражает грудь ночи и заставляет разящий кинжал солнца прятаться в ножны мрака, вернулся я с дальнего

¹ Маулана (мавлани, мавлийи и т.д.) (араб. 'защитник') — слово со множеством значений, среди которых «друг», «господин», «хозяин», «благодетель», «путник» и др.

² Тихама — пустыня в Аравии на берегу Красного моря; здесь: прямой намек, что ожидание известия затянулось.

³ Поясы земные — географическая районизация, предпринятая учениками Идриси.

⁴ Даты — по календарю Хиджры. Заметно, что С. писала письма около новолуния, а Р. — ближе к полнолунию.

*Берега*¹ Пустыни пустынь, где эмир Крайнего Запада на ристалище насаждения правосудия и распространения справедливости кафи́ров² *Билад ас-Сугана*³ рассеял и к покорности привёл.

Ибо лишь тот крепко сжимает в своих объятиях невесту-власть, кто целует в губы булатный меч.

[...]

Посреди Моря пустынь есть Тагазза⁴, деревня, в которой нет ничего хорошего. К числу её удивительных вещей относится то, что её дома и мечеть построены из глыб каменной соли. В ней нет ни одного дерева, и земля её — лишь песок, и в нём находят огромные плиты соли, нагромождённые одна на другую так, как будто они были вытесаны высокомерным племенем ад⁵ и сложены под землёй.

Мы провели в Тагаззе десять дней — в ней запасают воду, чтобы войти в пустыню, и мы вошли, и встретили на нашем пути караван, и нам сообщили, что несколько человек из каравана отделились от них. Одного из них мы нашли мёртвым под небольшим деревцем из тех деревьев, что растут в песках. На нём была одежда, а в руке — кнут. Вода же была всего в одной миле от него.

Так и у нас потерялся человек именем Ибн Мактуби из бану имраген⁶. Выйдя на поиски, проводник наш из кель *адрар*⁷ нашёл его следы. Они шли то по главной дороге, то отклонялись от неё, но ни Ибн Мактуби, ни каких-либо сведений о нём найти не удалось.

Воистину, судьба Ибн Мактуби, «сына написанного», вписана в Книгу Бытия теми же вечными чернилами, что наши судьбы. *И в Пустыне судьба моя стоит того, чего стоит моя вера.*

Но Аллах Велик. Так пусть Он будет Милосерден.

А того человека мы погребли без имени его и могилу его отметили палкой, укрепив её камнями. Великая честь — служить другим караванам вехою на пути, подобно фонарю маяка, пока ветер и песок не сточат твой минарет.

Р., *полнолуние рабиу-ль-авваля* 986 года, из Марракеша.

Тринадцать лет спустя:

«Ноги воображения моего и руки мысленного представления далеки от испытываемого Вашими руками и ногами, эфенди. В тёмную ночь, когда луна показывает своё лицо, мир становится освещённым, а небо озарённым. Во мраке судного дня, когда печать молчания будет на языках и люди падут от ужаса и страха пред днём всеобщего восстания мёртвых и великим отчётом, их *печени* мучительно сожмутся, а глаза наполнятся слезами, — тогда внезапно появится на горизонте украшающей сердце красоты луна божественной мудрости, жемчужина избранного моря, и у людей истинной веры возникнет свет очей надежды на спасение и блеск предвидения вечного блаженства.

Так и сердце моё наполняется слезами надежды, когда очи мои читают Ваши написанные лёгким *насхом* строки, в которых Вы передаёте сделанные Вам ангелами откровения — тяжёлые, словно написаны они *сульсом*⁸. Но в пучинах глубоких, вдохновенных Книгой книг истин, всё естество Ваше благоухает, как амбра, будучи пропитана неизречёнными указаниями Неба.

Истинно говорят, что Аллах хранит путников, чей дух продолжает странствие и будучи разлучён с телом, как соловей — с розой.

С.»

«Капли, просачивающиеся из моря Вашего внимания и милости, повелительница, подобны воде райского источника Каусар. Солнце, при всём своём блеске и свете, повергает корону к праху Ваших ног.

Да не удалится счастье от изголовья Вашей постели, *гюльбахрем*⁹!

Где бы ни пролегли следы моих ног, всюду я вопрошаю: где же *Кааба*, *Медина* и

¹ Берег — Сахель; сахара — мн. ч. от «сахра, пустыня».

² Кафир — араб. 'иноверец'; в османский период произошло отделение от этого термина слова «гяур», имевшего оттенок презрительности (аналогично возникшему в тот же период в Русском государстве слову «басурманин» — даже в словарной части обе империи стали друг другу зеркалами).

³ Билад ас-Судан — «Страна черных», примерно то же, что Сахель.

⁴ Тагазза — Тауденни в северном Мали.

⁵ Ад — племя великанов, упоминаемое в Коране.

⁶ Бану имраген — арабское племя Сахары.

⁷ Кель адрар — туарегское племя.

⁸ Насх, сулюс (сульс) — традиционные арабские почерки.

⁹ Гюльбахрем — «(мой) иветок весны».

Мекка моя?¹ Каждым своим шагом я произношу: *ляббейка*², Аллахумма, *ляббейка*! Тысячи путников шли этими путями до меня — от зенита Сатурна до чрева Земли, — но все вехи, что они смогли оставить, — лишь написанные чернилами строки:

*Я распутал все петли вблизи и вдаль,
Кроме самой последней — смертной петли.
Да смилуется над нами Всемилостивый!*

Сомнение разъедающей металл кислотой поселилось в сердце моём: шепчет оно, что в гордыне своей не уступил я дороги на мосту Хызыр Ильясу, и род мой будет принуждён дорогу уступать всякому. Но пусть лампа моей души перевернётся, *пусть сердце станет в голове и голова в сердце*³ — о Милосердии молю: «да будет вычеркнуто вписанное из Книги Предопределения, да опадут грехи мои, как листья с деревьев в разгар лета!»⁴

Но я познание сделал своим ремеслом, и мой калам пьёт чернила крови и пишет по бумаге забвения думы, что и не снились фальсафа⁵ аш-Шама — о том, что обвинять нас в День Суда будут сами наши сердца, потому что каждый человек суть шахид, «свидетель» против себя самого и ближнего своего, испивающий чашу шахадата⁶ собственной жизни и своего отчаяния, подобного отчаянью заблудившегося в самуме каравана. И се, он бредёт по степи жизни, оставляя за собою пустыню воспоминаний, и взывает к Творцу, оглашая бездну своей души воплем ужаса погибающей верблюдицы.

*Я — запятая в Книге Бытия.
Меж звёздных строк я хвост коня, что блед.
Мне Солнцем предначертано сиять,
Как тишине над пустотой бесега.
Мой всадник — Смерть, но не окончен текст,
Где грозь земли, людей и знак чумы.
Мы формой полумесяца, духом — крест.
И в перстне вправленный алмаз — то мы⁷.*

Но пусть пустыня иссушает дух и воспламеняет разум, как пропитанное смолою ладана дерево, однако под покрывалом ночи, усеянным колючей шерстью светил, осознающий свою ничтожность пред небесами раб Всевышнего воспаряет фениксом, и тогда на сына Адама ложится — словно от фонарей, поднятых с порогов домов обитателей Рая, которым, если на то воля Аллаха, мы тоже служим звёздами, — невыразимый отсвет всеединства.

Р., 14 шаабана 999 года».

«На исходе Ночи Могушества⁸ бродила я аллеями парка Гюльхане⁹ в ожидании предрассветного коралла вод Босфора, за которыми, где-то далеко, Вы, светоч разума моего. В сердце ещё звучали слова молитвы *времени отдыха*¹⁰: «Свят и Идеален Тот, Кто обладает земным и небесным владычеством¹¹. Свят Тот, Кому присуще могушество и бесконечная мощь», — как вдруг в турангах¹², словно отвечая чаяниям моим, пропела горихвостка. Песнь её подхватила другая, за нею — третья, и голоса их слились в возносящий хвалу Господу Миров хор:

— Видите ль звёзды, что гаснут на небе?
— Видим мы звёзды, они в небе тлеют.

¹ ...где же Кааба, Медина и Мекка моя? — строка из Вагифа.

² Ляббейка (араб.) — «Вот я пред Тобой [Господи]».

³ ...пусть сердце станет в голове и голова в сердце... — ср. с «переставить свечи» в легендах о Хадир Грюне, иудейском Хызыр Ильясе.

⁴ ...да опадут грехи мои, как листья с деревьев... — цитата из Абу-ль-Касимаат-Табарани, известного мухаддуса (толкователя предания) X в.

⁵ Фальсафа — философы вообще и неоплатонистическая философия в исламе (аль-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рушд).

⁶ Шахадат — букв.: свидетельство.

⁷ ...И в перстне вправленный алмаз — то мы. — Автор письма отсылает к рубаи Омара Хайяма (см. ниже).

⁸ Ночь Могушества — Лейлат аль-Кадр, почитаемая ночь, случающаяся в конце рамадана (в неопределённый день), которую принято проводить в молитве; ее признаком является необычайная тишина в природе.

⁹ Гюльхане («дом цветов») — парк у Топкапы.

¹⁰ Время отдыха - таравих (араб. حيوارت — 'отдых, передышка'), желательный ночной намаз в месяце рамадан.

¹¹ Свят и Идеален Тот, Кто обладает... — молитва ханафитского мазхаба, одной из четырех правовых школ в суннизме; этот мазхаб господствует за пределами арабского мира.

¹² Туранг — евфратский тополь.

- Видите ль край жёлтого солнца?
- Видеть не можем мы края солнца.
- Ночь ли в разгаре, близок ли день?
- Ночь полна влаги, день будет жарким.
- Кто там идёт, Хызыр ли Ильяс?
- Лик нам Зелёный жизнь несёт.
- Завтра посмотрим, сёстры, на небо?
- Ночь дня мудрее, завтра посмотрим!

И в их словах слышала я весть о Вас, излившуюся в эти строки из скромного источника моего вдохновения:

*Собранье птиц, едины что в Симвурге,
Поёт всю ночь, не ведая венца,
Чтоб возродить, став ртутью¹ из свинца²,
Из пепла — первородного птенца³.*

Я приказала рабыне, подаренной Вами, зажечь зелёный фонарь. Увидьте его путеводный свет и придите, о, день, не нуждающийся в солнце, ночь, не нуждающаяся в луне!

С., 27 рамадана 1012 года».

«Мне снился сон. В нём я впервые увидел Вас, так ясно, словно завеса тумана развеялась над фисташковой рощей, словно жемчуг вуали ночи заблестал, озарён светом луны. Когда потянулся я к тени Вашей, ладони мои коснулись коры кипариса, и тогда я увидел моего Создателя. Я спросил его: «Как мне найти Тебя?» Он ответил: «Покинь себя и приходи!»

Се, гряди⁴, прибегай к Господу людей, Царю людей, Богу людей⁶.

*Мы цель создания, смысл его отменный,⁶
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз.*

Р., 20 шавваля 1012 года. Науруз⁷».

Общее замечание: использованы мотивы из Гийас ад-Дина Али, Ибн Баттуты, Райнера Марии Рильке, Сент-Экзюпери, Абу Язида (Баязида) Бастами и др.

Хронология:

- Кырджалийская смута — 1789-1813 гг.
- Восстание в горах Эспадан — 1526 г.
- Битва у Превезы — 28 сентября 1538 г.
- Оборона аль-Джазаира — Алжирская экспедиция 1541 г.
- Осада Ниццы — август 1543 г.
- Зимовка турецкого флота в Тулоне — 1543/44 г.
- Кампания Пирю-реуса по изгнанию португальцев из Персидского залива — 1552 г.
- Третья битва при Лепанто — 7 октября 1571 г.
- Тунисская экспедиция — 1574 г.
- «Битва трех королей» — 8 августа 1578 г.
- Разгром империи Сонгау — 1591 г.
- Джелалийская смута Дели Хасана — 1595-1603 гг.
- Долгая война — 1593-1603 гг.
- Керестецкая битва — 25 октября 1596 г.
- Цареборисов (Царев-Борисов) — город основан в 1599 г.
- А.И. Власьев возглавил Посольский приказ в мае 1601 г.

¹ Ртуть — чрево всех металлов, растворяющая и возрождающая сила.

² Свинец — символ «нездорового» состояния металла или души.

³ Первородный птенец — феникс.

⁴ Се, гряди... — автор письма цитирует «Свидетельствующий это говорит: да, гряди скоро» из заключительной главы Библии.

⁵ ...прибегай к Господу людей, Царю людей, Богу людей — стихи из последней суры Корана.

⁶ Из приведенных стихотворений, «Мы цель создания, смысл его отменный» принадлежит каламу Омара Хайяма.

⁷ Науруз — здесь: игра слов: руд — фарси 'река, путь'; «новый путь».

II. СОБИРАЯ ПЛОДЫ

Загадка конкистадора

Homo fugit velut umbra
Человек исчезает как тень¹

(Слова на входе в университетскую часовню
 Св. Хруста Доктрин в Алькала-де-Энарес)

155 лет назад родился Василий Евграфович Чешихин-Ветринский (1867-1923), историк русской и европейской литературы и общественной мысли, переводчик, публицист, краевед, народоволец и журналист. Наиболее известен он, кроме множества работ о русских литераторах XIX века, переводом комедии нравов Ричарда Шеридана «Школа злословия». Как большинство образованных людей его эпохи, увлёкся революционными идеями и за участие в народнических кружках был выслан сначала в Ригу, после — в Вятскую губернию, где у него завязалась активная переписка, с одной стороны, с Максимом Горьким, с другой — с тем, кого Василий Евграфович в своих дневниках именуется «отец С.» и кто познакомил его с псевдодионисийской традицией² общехристианской теологии.

Главная загадка, которую Ветринский оставил потомкам, связана, как ни странно, с далёкой Испанией. Математический склад ума заставил его взяться за решение этой почти неразрешимой загадки, а гуманитарная часть образования помогла найти ключи к ней, когда его заинтересовали история расцвета и упадка Испании при Габсбургах, властителей «империи, над которой никогда не заходит солнце» (изречение императора Карла V Габсбурга), и история Итальянских войн — первого конфликта общеевропейского характера, охватившего все страны от Шотландии до Турции. В своих поисках он встретил имя кондотьера, конкистадора и поэта, коими изобилowała та эпоха и которое было забыто в потрясениях бурного, под стать двадцатому, XVI века. Василий Евграфович отметил, что «первоначально не обратил на него внимания и предал бы его забвению вторично», если бы оно не всплыло в переписке с тем обществом, что сложилось вокруг Горького на Капри.

Здесь, в «литераторском центре богостроительства» (особого этико-философского течения в русском марксизме, развивавшемся Анатолием Васильевичем Луначарским и Владимиром Александровичем Базаровым), бывали Феликс Дзержинский, «цусимец» Новиков-Прибой, жили поэт и журналист Леонид Старк (Афгани; тот самый, кто в октябрьские дни 1917 года займёт телеграф и почтамт) и его жена, впоследствии — библиотекарь Ленина Шушаник Манучарьянц. К ней и обратился другой гость виллы «Спинола» — Михаил Коцюбинский, революционер и классик украинской литературы, вновь создавший её из того, что Винниченко называл «невольничьим кладовищем». Широкой публике он известен по поставленным по его произведениям фильмам «Подарок на именины» и «Тени забытых предков» Сергея Параджанова («лучшая картина в мире, снятая до сих пор», как сказал Эмир Кустурица). Что занимательно — и, скорее всего, является случайным совпадением с судьбами тех, о ком идёт речь в этом эссе, — в финале картины Иван, главный герой, видит призрачные отражения Марички, своей погибшей возлюбленной, в воде и в лесу.

Коцюбинский много путешествовал. Он объездил едва ли не всю Европу — не только по зову души, но и из потребности в лечении: он медленно умирал от чахотки. И если Антон Павлович искал облегчения в ковельных степях Башкирии, то Михайло Михайлович подался в просторы Иберийской Месеты — обширного, засушливого, малолюдного плоскогорья, покрытого замками (давшими имя стране — Кастилия) и полуразрушенными римскими вилами. В странствиях он познакомился с Мигелем де Унамуно, в ту пору — ректором университета Саламанки.

Последний, будучи баском по национальности, в одну из поездок на родину, в Бильбао, посетил долину Бастан на самом севере Наварры, у подножия Пиренеев, где, в местечке Арискун, родился Педро де Урсуа, «губернатор» Эльдорадо. Его

¹ Lat. *Homo fugit velut umbra* или *umal*. *Passacaglia della vita* («Пассакалья о жизни») — известное вокальное произведение XVII в., авторство которого приписывают итальянскому композитору Стефано Ланди.

² Псевдодионисийская традиция: Псевдо-Дионисий Ареопагит — неизвестный богослов V-VI вв., чьи труды о естестве Бога и его эманации оказали сильнейшее влияние на христианство (и православие, и католичество), особенно на исихастов на Востоке и таких мистиков Запада, как пантеистичные Иоганн Скотт Эриугена (IX в.) и Николай Кузанский, Пико дела Мирандола и др.

личность привлекла внимание философа и как жертва «испанского Иуды» — «гнева божьего» Лопе де Агирре (замечательно воссозданного Клаусом Кински в фильме Вернера Херцога), и как один из плеяды великих басков, лежавших в фундаменте славы Испании: Хуана Себастьяна Элькано, завершившего экспедицию Магеллана, Андреса де Урданеты, открывшего самый безопасный путь через Тихий океан к берегам Филиппин, Хуана де Гарая, основателя «Города Пресвятой Троицы и Porta Святой Марии Добрых Ветров» (Буэнос-Айреса), Игнатия Лойолы, основоположника «Общества Иисуса».

«Если баски, этот малый и загадочный народ, помогли кастильцам построить империю, то не нужно ли в их национальных чертах искать то, что поможет спасти родину?» — отметил Мигель в гостевой книге в маленьком отеле на Берегу Храбрых, Коста-Брава (сын хозяина отеля сберёг автограф, спрятав книгу во времена франкистского террора).

Тут нужно пояснить, что после катастрофы 1898 года Испания впадала в глубочайший экономический, политический и — главное — моральный, чуть ли не экзистенциальный кризис, сравнимый разве что с кризисом, поразившим Россию в 1990-х. Как и СССР в холодной войне, Испания потерпела унижительное поражение в скоротечной войне с США — несмотря на отчаянную храбрость пехоты, неделями сражавшейся в окружении на пляжах Кубы и Филиппин. Это была первая война, развязанная прессой (красочное изображение подрыва крейсера «Мэн» в газете Джозефа Пулитцера *New York World* позже послужило вдохновением для пропагандистских плакатов «Помни Пёрл-Харбор!» и «Помни 11 сентября»), первая война, запечатлённая на киноплёнку (пройдёт всего 93 года, и технологии позволят нам наблюдать бомбардировки в прямом эфире — о значении чего замечательно рассказано в пророческом фильме 1997 года «Хвост виляет собакой», — пока война окончательно, с началом Второй холодной, не превратится в самоподдерживающееся ток-шоу) и одна из первых схваток за передел мира в романтическую эпоху империализма, которая скоро закончится неромантической бойней 1914-45 годов.

Нам в наследство от той войны достались коктейли «дайкири» (по имени местечка под Сантьяго-де-Куба, где янки высадились на остров) и стихотворение Редьярда Киплинга — поэта, искренне любившего и понимавшего Восток, — «Время белого человека». Испания же пришлось искать ответы на вопросы «что делать?» и «кто мы, откуда, куда идём?» И находить ответы: в возрождении поэзии, философии (что даёт и нам надежду на бронзовый век русской литературы), национализме, авторитаризме, анархо-синдикализме и социализме (что заставляет нас молить Клио: *пусть наши поиски не окончатся первой в истории ядерной гражданской войной*). Эти искания приводили пилигримов мысли на разные стороны баррикад, но чаще заканчивались смертью на чужбине, расстрелом (националистами или республиканцами), примирением или резким конфликтом с новым режимом.

Однако, как и нам, испанцам, которых Пио де Бароха, ещё один выдающийся представитель *Generacion del 98*¹, изобразил в виде «пассажира трамвая, входящих и выходящих из него, не знающих, куда и зачем они едут», гражданская война ещё казалась невероятной; Мигель де Унамуну ещё не мог знать, что всего через пару месяцев после начала мятежа правый генерал Хосе Мильян Астраи заткнёт его возгласом «Смерть интеллигенции! Да здравствует смерть!» (как окажется, навсегда: философ умрёт под новый год, во сне — итог его жизни показан в испано-аргентинском фильме «*Mientras dure la guerra*», «Пока длится война»); пока ещё над всей Испанией было безоблачное небо², и Мигель, верховный жрец храма разума³, мог посвятить себя изучению эпохи испанской славы и её терций — такого же символа страны, как коррида и Саграда Фамилия.

Терции родились в плавильном котле Реконкисты — 800-летней эпопее войн за свою веру, окрашенных гордостью за своих пророков и свой народ и уважением к

¹ Поколение 98 года (исп.).

² Над всей Испанией безоблачное небо — *En toda España el cielo está despejado* — легендарный пароль к началу мятежа в Испании, переданный по радио утром 18 июля 1936 г.

³ «Верховный жрец храма разума» — из речи Мигеля де Унамуну 12 октября 1936 г. в университете Саламанки: «Генерал Мильян-Астрада — калека. Давайте скажем об этом без обиняков. Он инвалид войны. Как Сервантес. К сожалению, сейчас в Испании слишком много калек. И если Бог не внемлет нашим молитвам, скоро их будет еще больше. И мне доставляет боль мысль о том, что генерал Мильян-Астрада будет определять психологию масс. Калека, лишенный духовного величия Сервантеса, он испытывает зловещее облегчение, видя вокруг себя уродства и увечья. Здесь храм разума. И я его верховный жрец. Это вы оскорбляете его священные пределы. Вы можете победить, потому что у вас в достатке грубой силы. Но вы никогда не убедите. Потому что для этого надо уметь убеждать. Для этого понадобится то, чего вам не хватает в борьбе — разума и справедливости. Я все сказал».

врагу (*странно, но именно на стыке религий рождается взаимоуважение*), воспетой, к примеру, в «Песне о моём Сиде» — одном из немногих эпосов, мало отступающих от исторической правды. Продолжившись естественным образом в конкисте, терции на полтора столетия стяжали славу непобедимых: невероятно стойкие в сражении, потрясающе упорные, с редким для эпохи терпением, «испанские дьяволы» наводили ужас на Амстердам, Париж и Лондон настолько, что это позволяло успешно снабжать войсками и припасами свои владения в Нидерландах сухопутным путём (море блокировалось английскими и голландскими пиратами) через далеко не дружественные земли в Альпах и Восточной Франции. Каждый солдат знал, что его жизнь находится в руках Господа, но его полк — бессмертен: его нельзя покорить, можно лишь истребить (известен эпизод, описанный в «Капитане Алатристе», когда французский офицер спросил умирающего испанского знаменосца: «Сколько вас было здесь?» — на что тот ответил: «Пересчитайте убитых — узнаете»).

Вот в таком соединении довелось строить свою судьбу на службе католическому королю и Хорхе де Урсуа — вышеупомянутому кондотьеру и поэту.

Хорхе приходился дядей (по другим источникам — кузеном) Педро де Урсуа, вероломно убитому своим заместителем, Педро де Агирре, в амазонской сельве. Значительная часть его жизненного пути связана с Итальянскими войнами, к тому же ещё в юности, отправившись пилигримом узреть новое чудо христианского мира — строящийся собор Святого Петра, он влюбился в Италию — эту жемчужину Европы, это средоточие искусства и порока, — и не в последнюю очередь — в образ оказавшей ему покровительство в путешествии Катарини Сфорца, «львицы Романьи и тигрицы из Форли» (послужившей, кстати, реальным прототипом Моны Лизы), образ тем более прекрасный, что он не застал его носительницу в живых. Возмужав, Хорхе вернулся в Италию — сперва в качестве кондотьера (наёмника), в роли которого успел повоевать «за венгерское наследство» с янычарами Сулеймана Великолепного, а после перешёл на службу во вновь учрежденную в Ломбардии терцию, с которой прошёл поля баталий половины Европы — от войны Коньякской лиги до экспедиций в Тунис. Ему довелось как оборонять Ниццу от турок и Барселону от берберских пиратов, так и самому штурмовать города, крепости и корабли.

В перерывах между перемириями и кампаниями Хорхе с любознательностью *arasionado*¹ слушал лекции: юристов в Болонье, «князя гуманистов» Эразма Роттердамского при дворе своего короля (по совместительству — императора Священной Римской империи) Карла I (V) Габсбурга, в чьей армии он охранял хирурга Филиппа Теофраста фон Гогенгейма (Парацельса) — и кто знает, не поделился ли с Хорхе этот великий алхимик секретом панацеи, полученным им в османском Константинополе от некоего Соломона Пфайфера (даже если последний и не дожил, как утверждают свидетели, до конца XVIII века, то Хорхе и на шестом десятке лет отличался завидным здоровьем, позволившим ему совершить путешествие через океан).

Тянувшимся уже 55 лет войнам, ставшим в итоге частью борьбы Испании и Германии с франко-турецким альянсом, не виделось конца. Все стороны выйдут из них ослабленными: король и последний настоящий император (то есть коронованный папой в Риме), разочаровавшись в идее объединить Европу, отречётся от всех престолов и уйдёт в монастырь, Франция покатится к религиозным войнам, а Италия останется разорённой и уже никогда не займёт место светоча мировой мысли. Однако все эти годы солдаты забирали из её горящих городов не только парчу и столовое серебро, но и жемчужины гуманизма, неся их за Альпы и высевая семена Северного Возрождения (*собственно, и сформировавшего тот мир, который знаем мы*).

Хорхе мог, как ветеран терции, продолжить службу во Фландрии, но предпочёл вернуться домой, взяв с собой трофей — Франческу Марию дель Васто, происходившую из боковой ветви пресекшегося рода маркграфов Салуццо (для нас будет любопытно, что эта династия по женской линии берёт начало от правнучки Ярослава Мудрого, а история одного из маркизов легла в основу сюжета о Гризельде²).

Юная Франческа покорила не столько силой, сколько молчаливой мудрости Хорхе, его верности и терпению — тем качествам, которые он унаследовал от своей терции. Он был очарован освежающим вольнодумством её мыслей — чего стоит только фраза из её письма: «О, если бы простые люди знали, как грешат мораль предрержащие!..»

По свидетельствам современников, девушка была очень миловидна. Она запомнилась им настолько, что, когда на мосту Святого Ангела отсекали голову знаменитой Беатриче Ченчи (отомстившей за надругательство над собой и после

¹ Страстный (исп.).

² Гризельда — образец супружеской покорности, послушания и преданности; она претерпевает жестокие моральные издевательства, которым ее подвергает муж, но в итоге ее терпение вознаграждается; фольклорный сюжет использовался многими — от Боккаччо до «Битлз» (песня «Golden Slumbers»); уже Lone de Vega смягчал жестокость мужа, чтобы хоть как-то ее объяснить...

воспетой Перси Шелли и Юлиушем Словацким), многие, подозревая Хорхе в обладании панацеей и знании пути к источнику Жизни, считали, что казнимая и есть Франческа Мария — так они были схожи.

* * *

«Эпиграммы Хорхе к Франческе напоминают мне стихи нашего великого Густаво Адольфо Беккера. Только вслушайтесь:

*Когда коснулся Вашей тени,
Я вновь уверовал в спасенье,
Как в час безмолвия священный,
Предавший Богу новый день, —*

и сравните с этим:

*Сегодня мне улыбаются земля и небеса.
Сегодня в душе моей солнце, сегодня ушла тревога.
Сегодня её я видел —
Она мне взглянула в глаза.
Сегодня я верю в Бога.*

И почему-то мне рисуется образ «Девушки с жемчужной серёжкой», хотя я отдаю себе отчёт в столетии, разделяющем картину и Франческу. Ещё это зашифрованное ритмическое (?) посланье (?) из баскских, испанских, латинских и арабских слов, образующих кресты (?!) акростихов (?), — делился мыслями Мигель де Унамуну с молодым Хименесом, издателем журнала «Глобус». Хуан Рамон показал письмо Хуану Валера, писателю и дипломату, который, вспомнив о выдающейся математической школе в России (он служил посланником в Петербурге в начале царствования Александра II), посоветовал Мигелю связаться с русскими.

Как говорится, на ловца и зверь: в ту пору довелось проезжать по Месете Михаилу Коцюбинскому. Так, через его руки, через ту самую Шушаник Манучарьянц, через Капри копия «стихотворения» (будем условно называть его так) с пояснительными материалами, дневниками, письмами, реляциями попала к Василию Евграфовичу Чешихину-Ветринскому. Он бегло ознакомился с ними и... забыл, будучи поглощён бурными событиями 1905-07 годов; вспомнил, лишь когда столыпинские галстуки утихомирили стихию. В такие годы, отчаявшись искать справедливости на земле, обращаются к миру горнему. Вот и Василий Евграфович случайно (или нет) наткнулся в бумагах на гравюру из книги Св. Иоанна Креста (Хуана де ла Крус) «Восхождение на гору Кармель», изображавшую путь души к высшему созерцанию как узкую тропу между делом, словом, славой, силой и т.д. и т.п., что сразу навеяло ему аналогии и с суфийскими мистиками, и с псевдодионисийской традицией («Превыше Божественного света лишь Божественная тьма», — сказал Ареопагит в золотой век Византии), знакомой ему по переписке с упомянутым выше «отцом С.». Помимо прочего, слова о том, как «три добродетели усовершенствуют три области души и как устраивают мрак и пустоту в этих областях», что «вера является для души "тёмной ночью"», как нельзя более перекликались с нынешним состоянием Василия Евграфовича, побудив его взяться за работу в надежде войти в «О воистину блаженная ночь, в которой соединяется земное с небесным, человеческое с Божественным!» (из поэмы, написанной Хуаном в заточении).

(Тут следует сделать небольшое отступление и помочь читателю вспомнить, откуда он знаком с именем Хуана де ла Крус, заслуженно названного Доктором церкви. Когда святой был схвачен кармелитами, заточён в монастыре под Толедским алькасаром (и тем заново освятил его, что иносказательно отобразил на полотне Эль Греко¹) и подвергнут пыткам (да, в любой церкви всегда идёт борьба и далеко не всегда за материальное), один из охранников принёс, по просьбе Хуана, лист бумаги, и он нарисовал свой образ Христа — в необычном ракурсе, словно на него смотрит Дух или Отец. В наше время этот рисунок лёг в основу картины позднего, «ядерного», Дали, которая так и называется: «Христос Хуана де ла Крус». Архив святого был спасён в начале гражданской войны южноафриканским поэтом Роем Кэмпбеллом, автором «Теологии Бонгви»²: он дал обет Иоанну перевести его стихи, если тот поможет защитить семью Роя.)

Тем более странным показалось Василию Евграфовичу то, что на оборотной стороне листа с гравюрой обнаружилась калька с какой-то карты с названиями поселений

¹ Имеется в виду картина «Толедо в грозу» (1596).

² *Меня возьмет Он в смертный миг*

*К себе из естества,
Чтоб до конца я Зло постиг
И Ловкость Божества.*

(Агуас Кальентес, Эль Энканте, Шкалаччецимин и др.), причём часть их была помечена как «здесь есть исконные воды», а от других тянулись стрелки к строкам написанного рядом стихотворения то ли алхимического, то ли «геологического» содержания. Ниже некто неизвестный оставил пояснение, что «как святой Хуан подсказал нам путь к спасению души, так эта карта поможет найти путь к источнику вечной молодости, в саду, на востоке», что она в точности, без искажений, за что комментатор ручается своей честью, срисована с карты, прилагавшейся к «Тринадцатому сообщению» Фернандо Альвы Иштильшочитля (автора фундаментальных трудов по истории тольтеков и других мексиканцев), составленной по приказу вице-короля Новой Испании Луиса де Веласко и прокомментированной «благородным доном Хорхе, сыном Хорхе, братом губернатора Эль Дорадо де Урсуа, да простит его Господь».

Загадки нарастали. Намечалась даже путаница в именах. После недолгих изысканий в публичной библиотеке Василий Евграфович понял, что на карту нанесена местность на Юкатане и в Петене (совр. Гватемала), а под «исконными водами» подразумеваются, видимо, священные сеноты (природные колодцы в карстовых провалах), считавшиеся вратами в Шибальбу, царство мёртвых. Но если связь молодости, жизни и смерти у краеведа, знакомого с мифологией поволжских финно-угров, удивления не вызывала, то содержание рифмованного комментария заставило его содрогнуться.

Дело в том, что стихотворение оказалось одновременно и любовной лирикой, и... инструкцией: как увидеть тропы будущего в плоти настоящего. «Как в наших сказках ведунья смотрит в чашу с водой, так они смотрели в море крови в грудной клетке, — писал Василий Евграфович в Саламанку. — Они соединили аштекские навыки извлечения сердца, европейские металлы — и получили ритуал-франкенштейн! Самая безобидная строка здесь — «Рдеющей (то есть раскалённой) медью целовать в губы». Ужас!»

Мигель де Унамуну посоветовал не спешить с выводами и взглянуть на комментарий как на натальную карту: ту же медь на губах прочитать как Венеру в Тельце, семя, залитое оловом, — как Юпитер в Скорпионе, и т.п. В ответном письме Ветринский выслал два варианта расшифровки, сохранив в обоих астрологическую составляющую. Первый вариант, «инструкцию», мы привести не можем по этическим соображениям, но со вторым, лирическим, подаренным Василием Евграфовичем своей возлюбленной Марии Дмитриевне, ознакомим читателя:

*Волос твой источает железо,
Медью рдеет искус твоих губ.
В терпкость влаги весеннего леса
Гулкой нотой вливается губ.
Сердце рвётся куском красной ртути,
Предвкушая оплавленный год,
Звёздной бритвой раскрытой сути
Подносящий запретный нам плод
(Будто он отлучался на время,
Будто знал, закаляя булат,
Как под оловом скрытое семя
Вспыхнет ярче золотых царских врат).
Пусть сурьмы мои мысли чернее,
Пусть свинцов в бронхах след от ребра,
Кто из вас возразит мне сумеет —
Крови, пьющей фонтан серебра?¹*

(Для облюбовавших курорты Канкуна читателей, если таковые здесь имеются, будет интересно пояснение Василия Евграфовича: «При наложении полученной натальной карты на карту Юкатана, с разворотом их на 180 градусов относительно друг друга, то есть так, чтобы Весы указывали на бухту Четумаль, искомый источник вечной молодости окажется в точке центра масс фигуры, обрисованной пересечениями медиан треугольников, образованных гармонично взаимодействующими (в астрологическом понимании) планетами обеих октав. Выделенный скобками фрагмент в построении учитывать не следует. Если мои вычисления верны, то «колодец жизни и смерти» находится в глубине Петена, где-то там, где отмечен Тайясаль. Это же тот самый город, который испанцы сумели захватить лишь через 170 лет после Кортеса?»)

Для тех же, кто не готов отправиться в экспедицию в джунгли Гватемалы и Мексики, продолжим повествование.

Загадки Хорхе де Урсуа увлекли Василия Евграфовича, да и сам он разменял пятый десяток — пора было думать о роднике живой воды. Он даже стал искать по окрестным

¹ Астрологические соответствия: железо — Марс, медь — Венера, ртуть — Меркурий, золото — Солнце, олово — Юпитер и само Небо, свинец — Сатурн. Сурьма — «мирской» металл, Земля. Марс, Венера, Меркурий — планеты низшей октавы, Юпитер и Сатурн — высшей.

губерниям озеро, если не похожее на Петен-Ица, то заключающее в себе «мотив сенота». Очевидный вариант — Светлояр — его не удовлетворил, как и Морской Глаз в мариийском краю, как и озерко цвета гривы сказочного татарского коня у Сергиевска в Самарской губернии. Впрочем, с последним понятно — оно серное. Наконец, поиски увенчались наградой: Вадским. Кристально чистая, ледяная вода (что само по себе редкость в средней полосе), но главное — мощный поток, бьющий из бездны в центре и превращающий гладь в выпуклую линзу, подобную осколку гигантского хрустального шара, из глубин которого будто вглядываются в будущее неведомые племена.

Ветринский приобрёл дачу на берегу, где стал проводить много времени.

«Приезжал Мих. Мих. (Пришвин — прим. авт.), — писал он в дневнике октябрьским днём 1909 года. — Путешествует по Заволжью. Показывал наброски книги о «граде невидимом». Спорили о судьбах революции. Кажется, над Россией теперь навсегда «тень люциферова крыла». Гуляли берегом. Разговор зашёл об ужасном конце Мессины, и тут он обратил моё внимание на необычное отражение и без того кровавого заката в озере: словно предки, сказал он, сулят нам неслыханные перемены, невиданные мятежи...»

Эта случайная фраза укрепила Василия Евграфовича в необходимости продолжать расследование. К тому же пришло новое письмо из Саламанки, в котором Унамуно сообщал, что картографическое чутьё не подвело «моего русского друга», что, действительно, в указанной точке находится древний город, только не Тайясаль, а Тикаль, не замеченный Кортесом во время похода 1524 года и открытый лишь в 1850-х годах, что Хорхе де Урсуа мог от индейцев слышать о нём и о замечательном символе, воплощённом в архитектуре Тикаля, и что данное открытие объясняет смысл эпиграммы «Когда коснулся Вашей тени...».

Сегодня, когда нам дано читать письма мая, мы можем убедиться в верности догадки философа: эпитафия в заупокойном храме Хасав-Чан-К'авиля, правившего Тикалем в VIII веке, гласит, что он страстно любил жену, Иш-Лачан-Унен-Мо, и построил в честь неё храм напротив своего. И теперь дважды в год, когда день и ночь равны друг другу, восходящее солнце окутывает тенью его храма храм его жены, а храм жены шлёт ответное прикосновение храму мужа на закате. И так — уже 1300 лет — влюблённые, оставив тени своих усыпальниц взамен собственных теней, ушедших из-под Солнца живых, касаются друг друга сквозь небытие.

Возможно, этот мотив навеял Хуану Рамону Хименесу знаменитое «*Renascere yo riedra, // у aun te amare mujerati...*» («Вернусь я на землю камнем// и вновь полюблю тебя женщиной...// Вернусь я на землю волною// и вновь полюблю тебя женщиной») — поэт так же страстно любил свою жену, прожил с нею сорок лет, тоже не смог пережить её смерти и ушёл за возлюбленной в майский день 1958 года.

Так неужели Хорхе был первым европейцем, увидевшим город, поглощённый джунглями? Неужели он нашёл путь к Роднику Жизни сквозь гиблые леса, между озёр, где находятся врата в Шибальбу — не только мистический потусторонний мир с Домом летучей мыши или Домом обсидиановых ножей, но и вполне реальное царство смерти, похожей, судя по описанию («владыки боли заставляют людей рвать кровью или сжимают их горло так, что их глотки наполняются кровью»), на переносимую рукокрылыми обитателями пещер геморрагическую лихорадку вроде Эболы?

Проследуем его тропой?

Франческа вдохновляла Хорхе. Иначе и быть не могло с такой разницей в возрасте, когда старость не использует молодость для самоутверждения, а поёт свою лебединую песню. Её советы были не по годам мудры, а поведение переменилось в разумную сторону — сдержанность на людях, смирение на мессе, тщательно подобранная исповедь (в этом сказывался итальянский опыт). Преобразился и он: из циничного боевого офицера, кутившего с братьями по терции (или терпевшего жажду и голод наравне с ними), причащавшегося и убивавшего, он стал — в церкви и при дворе — идальго «с жёсткой верхней губой» (англичане, когда придёт их черёд править миром, позаимствуют эту манеру у своих врагов, придумывая образ джентльмена). Ему хотелось одаривать её: ферроньера¹ с крупной жемчужиной, золотой жазеран² с «рубинами» из Альмадена³; когда Франческа, желая подарить наследника супругу (они обвенчались в Сантьяго-де-Компостелла, куда девушка давно хотела совершить

¹ Ферроньера — украшение в виде цепочки или ленты с драгоценным камнем, надеваемое на лоб.

² Жазеран — золотая цепь с камнями, укладываемая вокруг стоячего воротника.

³ ...с «рубинами» из Альмадена — кристаллическая киноварь, минерал ртути; Альмаден — рудники в Ла-Манче, где ртуть добывалась как минимум со времен Рима.

паломничество), попросила зибеллино¹ из непорочного зверька (то есть рожавшего через рот, по представлениям того времени), Хорхе не поспешил на соболя из глубин Великой Тартарии.

Но больше того хотелось свершений. Того, что можно бросить к её ногам, и, наконец, зажить спокойно и счастливо. Другой отправился бы на одну из бесчисленных войн во славу короля и веры, но и Хорхе, и Франческа всю свою жизнь видели, что чести в войне мало, а грязи и подлости — много. Она бы и не отпустила его в охваченную чумой, французской заразой² и ненавистью Европу.

Оставаться в Испании... было душно. Поток золота из Перу размывал здание государства, разорял ремесло и хозяйства крестьян и утекал дальше, к врагам веры (так изощрённо вершилась справедливость: Америка уничтожала завоевателей тем, что исполняла их мечту) и в аугсбургский дом Фуггеров, уже прибравших к рукам ртутные озёра Альмадена. Чем хуже шли дела внутри страны, тем больше инквизиция превращалась из органа исправления заблудших в приспособление для конфискации, которое могло в любой момент припомнить общине с алхимиками и заинтересоваться слухами об обладании Хорхе философским камнем.

Новый Свет! Даже в названии этой части мира звучало что-то, напоминающее о Новом, небесном Иерусалиме. К тому же — золото... ласковое, как осенняя Месета, через которую гонят овец, манящее, как очертания родных берегов в рассветной дымке, совершенное, как перезвон колоколов кафедрала... Уехать, занять огромные, пустые, без печати греха земли, принести Благоую весть дикарям, выстроить рай, как пытался отец Бартоломе сорок лет назад в Венесуэле, пока немецкие конкистадоры³ не подняли против него на мятеж индейцев.

Такие картины рисовались Хорхе де Урсуа, когда он сопровождал Доминго де Сото, духовника императора, отпущенного последним домой, из Германии на хунту⁴ в Вальядолид. Отец Доминго рассказывал о своём брате по доминиканскому ордену Бартоломе де лас Касасе, как тот, живя в Индиях, услышал проповедь другого брата, гневно обличающую обывателей в нехристианском отношении к индейцам, как он посвятил себя делам туземцев, как вопрос был вынесен на решение почившего в прошлом году папы Павла III, и понтифик раз и навсегда буллой «Выше Господа» постановил, что «индейцы Запада и Юга» имеют неотъемлемое право на свободу, собственность и мирное принятие истинной веры. Но господин из гуманистов де Сепульведа, к несчастью — воспитатель инфанта Филиппа, сеет смуту: он, зывая к авторитетам Аристотеля и Анджело Полициано, придворного гуманиста Медичи, утверждает, что грешное поведение индейцев свидетельствует о порочности их природы и неспособности к человеческому мышлению, что города они строят, руководствуясь инстинктами, подобно муравьям, а потому должны быть обращены в рабство любой ценой, ибо это — единственный разумный выход.

Да, добавим мы, никогда конкиста не была единым валом, в одержимости и жажде сметающим цивилизации, — у неё были свои изверги и свои святые. И как часто, как мы сумели убедиться за прошедшие 500 лет, идеи гуманизма топтали человечность: что в эпоху Просвещения, что в XX веке — столетии «двух крестов».

В дороге к ним присоединился отрок из Полонии, виконт какого-то княжества, с воспитателем и без охраны. Хорхе увидел в нём себя в молодости, тем более что Вацлав (так его звали) являлся протеже польской королевы Боны Сфорца⁵, племянницы донны Катарины, тоже покровительствовавшей его паломничеству в Италию. Отец Доминго обратил внимание на свет неистойой, хранящей их от разбойников и прочих опасностей веры в глазах Вацлава: «Годы сделают из него или мудрого инквизитора, или жестокого ересиарха. Да простит его Господь!»

К возвращению домой у Хорхе созрел план: отправиться в Новый Свет, обосноваться там и вызвать Франческу Марию. Трудности не страшили. Напротив, вдохновляла слава великих аделантадо, первопроехавцев, даже путь капитан-генерала Альвара

¹ Зибеллино — аксессуар из шкурки соболя (лат. Martes zibellina).

² Французская зараза — сифилис, одна из величайших эпидемий, сформировавших современную цивилизацию; главная причина смертей в эпоху Возрождения; была принесена моряками Колумба из Америки и вспыхнула в 1494 г., в самом начале Итальянских войн; французская армия, бежавшая от внезапной эпидемии из Неаполя, вынесла болезнь за Альпы; в 1497 г. достигла Литвы (Быхов), в 1512-м — Японии; лечилась (успешно) ртутью из астрологических соображений.

³ Немецкие конкистадоры — в 1528г. банковский дом Вельзеров получил, в счет долгов императора Карла, колонию Klein-Venedig («маленькая Венеция», Венесуэла); спустя три десятилетия колония была конфискована по причине неэффективного управления, а также потому, что администрация колонии так и не крестила местных индейцев.

⁴ Хунта — собрание.

⁵ Бона Сфорца — жена польского короля Сигизмунда Старого (1506-48), королева польская и великая княгиня литовская в 1518-56.

Нуньеса Кабесы де Вака, после кораблекрушения прошедшего — в сопровождении трёх спутников, исцеляя больных и обретая почёт «сына солнца», — две тысячи лиг от Флориды до Сьюдад Мехико.

Он уладил дела, купил дом с именем в Гранаде, в местности со здоровым климатом, составил у нотариуса завещание, которое следовало привести в действие при отсутствии известий или получении условного послания, купил снаряжение — одежду, сбрую, колесцовый пистолет (кстати, единственное изобретение Леонардо, признанное современниками), другие мелочи — и нежно попрощался с женой в Севилье, указав ей, в случае если понадобится помощь и совет в ведении дел, обращаться к отцу Доминго. Как она вспоминала, в ночь перед расставанием на город обрушился ветер, и наутро все улочки, паперть собора и берег Гвадалквивира были усыпаны лимонными бутонами.

В ту ночь она зачала.

* * *

«Де Сото — представитель выдающейся школы католических экономистов, сложившейся при университете Саламанки, — выписал Василий Евграфович в дневник. — Они сформулировали теории паритета покупательной способности, свободного рынка, спроса на деньги как таковые и многие другие. Лишь потом их открытия переняли буржуазные экономисты Англии и Франции. Значит ли это, что в шифровке Хорхе де Урсуа содержится то самое «условное послание» или иное предписание финансового характера? Или здесь снова три разных прочтения? А если разбить на строфы по три строки? И не «омыть пророчицу (сибиλλу) кислотой», не алхимия, а...»

«Да, этот ключ подошёл, — записал он через день. — Третья строка закрывает строфу и одновременно открывает следующую. Как будто бы любовная элегия:

*Твой образ я вижу. Ты — утра опал,
Умывший Севилью лимонным дождём
Мадонны Небес в ожерелье глазниц. (Или зеркал?)
Мадонны Небес в ожерелье зеркал
Алтарь, и пред ним — ты, рождённая сном (рождённая во сне?)
Наяда, чьи губы — ртутный рубин. (?!)*

Мадонна в ожерелье... Станный для католика образ. Я чувствую, что вот-вот пойму его, когда вглядываюсь в зеркало Вадского — моего — озера. И порой мне кажется, что с той стороны, заглядывая в другое озеро, лежащее в «стакане» грубых известняковых скал, стал вглядываться в меня он — Хорхе де Урсуа, пятый аделантадо Эльдорадо».

* * *

Отплыв из Сан-Лукара, к маю флотилия достигла Америки. По пути она заходила в лагуну Маракайбо — забрать забытых немецких колонистов из Нового Нюрнберга (тех, о ком лас Касас писал: «Немцы хуже самых диких львов. Из-за своей жадности эти дьяволы в человеческом обличье действуют гораздо кровавее своих предшественников»). Ночью небо на юге озарилось частыми вспышками света, началось светопреставление, продолжавшееся до рассвета. «Как маяк, зовущий к новой жизни, — писал Хорхе в первом письме Франческе с другого берега океана. — Это чудо зовётся молниями Кататумбо, поведал мне капитан дон Густаво, и бьют они постоянно. Воистину, нерукотворный маяк Господень, указывающий, что мне нужно на юг!¹»

Мы не знаем точно, сколько времени он провёл в Нуэва-Испании² — но, по всей видимости, достаточно, чтобы поучаствовать в подавлении мятежа конкистадоров, познакомиться, с помощью брата-францисканца Бернардино из Саагуна, с науатль (языком ацтеков), с кодексами (книгами мезоамериканцев); и достаточно для того, чтобы совершить поход в Юкатан и составить лоцию к описанной выше карте. Где-то там же ему было видение, определившее дальнейший путь.

В Новом королевстве Гранада (в нынешней Колумбии) пришла радостная весть из Гранады Старой: у дона Хорхе родился наследник — татарский соболь всё же помог. Крестили, как и обговаривали когда-то, Хавьером — в честь Франциска Ксаверия, просветителя Китая, но не в последнюю очередь — в честь самой Франчески. Письмо успокоило и позволило с удесятёрёнными силами заняться подготовкой экспедиции.

¹ ...молниями Кататумбо маяк Господень, указывающий, что мне нужно на юг! — если провести прямую линию от горловины лагуны Маракайбо через молнии Кататумбо и продолжить дальше, то она укажет точно на Серро Отаре (910 м) на северной окраине Чирибикете между реками Гуавьяре и Какета.

² Нуэва-Испания — Мексика и окрестные страны.

Хорхе сдружился с правителем страны Гонсало Хименесом де Кесадой (вероятно, на него намекал Сервантес, указывая, кто стал прототипом бессмертного идадьго). Этот муж отличался добрым нравом, а потому пережил большинство покорителей Америк. Изумруды, собранные завоевателем земли чибча-муисков, изумляли и радовали сердце: казалось, в них, как комары в янтаре, увязли искры света Творения, а похожие на мельничные крылья *trapiche*¹ напоминали одновременно и о Любви, что движет солнце и светила, как если колесу был придан ровный ход², и о видении Иезекииля³. И это был знак — из тех, что открываются землепроходцам и никому другому.

Радовали и гости: как-то их посетили Родриго де Кирога с женою — выданной за него по приказу короля Инес де Суарес, любовницей Вальдивии и амазонкой, спасшей Сантьяго-де-Чили от дикарей-мапуче. Удивительно, но брак оказался удачным: прожив тридцать лет, супруги скончались в один месяц. Чили было небогатой страной, поэтому чета осторожно выразила заинтересованность в результатах похода.

Вот их троих (Гонсало, Родриго и Инес) Хорхе де Урсуа и назначил своими душеприказчиками — распорядителями нажитого в Индиях имущества: если он не вернётся или если его спутники не принесут известий от него по истечении трёх сезонов дождей, бумаги и деньги следует выслать его супруге Франческе и отцу Доминго де Сото.

Экспедиция должна была выйти из Санта-Фе-де-Богота, пересечь Парамо-Сумapas, спуститься в льяносы (прерии) по Рио-Мета до Ориноко, после чего повернуть на юг, в Лес. Официальной целью было объявлено Омагуа, Эльдорадо. Неофициально — с одобрения Кесады — Урсуа должен был проникнуть в страну плоских гор (тепуи) Чирибикете. Именно туда вело его видение.

Хорхе был энергичен как никогда. Он не сомневался в удачном — так или иначе — исходе предприятия и заражал уверенностью всех, изъявивших желание пойти с ним за золотом и самоцветами. Словно там, на Юкатане, он сбросил груз прожитого и вновь обрёл радость, незамутнённую мудростью.

В начале сухого сезона долину Боготы покинули 50 испанцев и 4 священника в сопровождении 300 туземцев и 800 лошадей и мулов.

Больше их никто не видел.

Василий Евграфович закончил расшифровку 28 июня 1914 года⁴ и написал в дневнике: «Срочно уезжать отсюда. Что-то ужасное чудится в озере. Словно вода жизни в одночасье превратится в свою противоположность. И закаты, отражающиеся в нём, всё багровее».

«Дорогой Мигель! Высылаю Вам предварительный итог нашей работы. Как я уже писал ранее, в ребусе известного Вам сеньора каждую строфу следует членить третьей строкой на две строфы. Похоже, это тоже карта — географическая? Или карта некоего тела, первопредка, которого следует принести в жертву, чтобы будущее стало настоящим? В любом случае её ключевые точки образуются пересечениями выделенных вертикальных и горизонтальных строк. Схему прилагаю».

Письмо успело пересечь Европу до начала Великой войны — «неслыханных перемен», так неосторожно напрогноченных Блоком и увиденных Пришвиным.

«В Великую среду, после мессы, я вышел к берегу озера, на котором стоит город, к развалинам храма злых язычников. Я присел на камень этого храма и смотрел на восходящую луну, отражавшуюся в водах. Внезапно я ощутил себя молодым, полным сил мужем. Я был спокоен, словно только что плотно поел мяса. Вдруг луна стала приближаться, увеличиваясь в размерах. Потом она превратилась в Деву Марию в огненных одеждах, как неопалимая купина. Она сказала, что у меня сердце ягуара, — и я почувствовал золотую шерсть, покрывающую меня. Я ощутил ловкость, спящую в руках и ногах. И тогда я понял, что я тот Ягуар, о котором рассказывал брат Бернардино и который съел четвертое солнце, и потому я чувствовал сытое блаженство. И тогда, чтобы съесть меня, из огня луны вынырнула синяя Змея. Она поглотила меня, как кит

¹ *Trapiche* (исп. 'жернов') — сросшиеся по шесть и более кристаллы изумруда.

² Данте, окончание «Божественной комедии» (неточная цитата).

³ Видение Иезекииля: «И вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня... Вид колес и устройство их — как вид топаза, и подобие у всех четырех одно; и по виду их и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе. А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз».

⁴ Дата убийства эрцгерцога Франца Фердинанда.

Иону, и понесла сквозь вечность. Я видел много странного. Я видел двух змей, между пастей которых было озеро словно звезда. Я видел женщину, раскинувшуюся до края горизонта. Я шёл по ней и смотрел, как она порождает существ и ужасных, и прекрасных, и чистых, и нечистых. И все те существа были любимы ею, хотя некоторые из оных впивались в плоть её, и люди среди них. И женщина была Змея.

И в то же время я видел обычный мир. Он был сложен из жёстких, острых узоров. Глаза на листьях деревьев смотрели в мир, как глаза Колесницы Иезекииля. И вновь меня поглотила Змея, и понесла, и изрыгнула к трону. На троне сидел человек в царских одеждах и с одной ногой¹. Он говорил со мной. Я отвечал ему. Он предлагал всё золото страны. Я читал символ веры. Тогда он достал зеркало из радужного дыма и показал меня в нём. И я увидел себя, глядящего на себя с той стороны смерти, но не ужаснулся. И тогда из зеркала двумя языками полилась вода. И я понял, что муж на троне — это мой брат, близнец и противник. Я сражался с водой и был бы повержен, но тут вспыхнуло пламя, и я распался на четыре стихии-птицы. А пятой птицей было время.

И тогда я понял, что я распят, и распятие моё — весь мир. И что я — их главный бог, именем Кецаль-Змей, и что мною он принял Святое Крещение. И что я должен проникнуть в сад, что на востоке, и вынести семена древа. Потому что я, Человек, хранитель этого мира».

Франческа Мария дель Васто-и-Урсуа прожила долгую, спокойную жизнь. Хавьер, зачатый в бурю сын, выбрал духовное поприще. Эпидемии, бунты, репрессии, бури, землетрясения словно чурались местности, в которой стоял её дом с видом на снежно-белую Сьерра-Неваду, откуда ветер порой доносил аромат алеппских сосен и неясные, похожие на «Ave» песни. После смерти крестьяне стали тайно почитать её как заступницу перед Царицей ангелов.

В 1923 году среди бумаг Василия Евграфовича было найдено стихотворение, посвящённое жене, Марии Дмитриевне:

*Твой образ я вижу. Ты — утра опал,
Омывший Севилью лимонным дождём
Магонны Небес в ожерелье зеркал.
Алтарь, и пред ним — ты, рождённая сном
Наяда, чьи губы — альмагенский лал².
Твой образ — Магонны небесный опал,
Отблеск зари у лимонных морей
Над чёрной водою бездонных зеркал
Утренней дымкой весенних дождей.
Я бриг без руля. Ты — девятый мой вал.
Солью покроет эспады металл
Пасынка Родины в дальнем пути.
Ангелов грозных, дымящих зеркал
Снами в бутоны лимона вплети
И — облаков андалузских опал.*

P.S. Несколько лет назад в джунглях Колумбии, к югу от Гуавьяре, было открыто гигантское, 12-километровое панно с наскальными рисунками, которое за величие и красоту назвали Сикстинской капеллой древних. В 2019 году археологи обнаружили в узком, в метр шириной, проходе между скал останки человека в испанских доспехах XVI века. Он лежал на спине, погребённый лишь нанесённым песком и опавшей листвой. Его руки были сложены на груди, словно обхватывая и поддерживая растущее из её центра деревце сейбы. На вид будущему великану Леса не более семи лет.

¹ На троне сидел человек в царских одеждах и с одной ногой — Тескатлипока; мифология поздних майя и ацтеков.

² Лал — рубин.